

СБОРНИКЪ,

ИЗДАНЫЙ

ИМПЕРАТОРСКИМЪ

НОВОРОССІЙСКИМЪ УНИВЕРСИТЕТОМЪ

ПО СЛУЧАЮ

СТОЛѢТІЯ СО ДНЯ РОЖДЕНІЯ

Н. В. ГОГОЛЯ.

ОДЕССА.
Типографія „Техникъ“.
1909.

Что завѣщаль Гоголь созданной имъ натуральной школы?

Рѣчь проф. В. Н. Мочульскаго.

Н. В. Гоголь всеми критиками признается основателемъ въ русской литературѣ натуральной школы. Сущность этой школы опредѣляется отношеніемъ ея къ предшествовавшей романтической школѣ и отношеніемъ ея къ современной—нео-реалистической. Романтическая школа подходила къ жизни съ слишкомъ предвзятой мыслию. Она искала въ ней возвышеннаго, грандіознаго и таинственнаго. Герои ея были люди исключительные, сюжеты были отборные, страсти—пылкія, рѣчи напыщенные, патетическія. Словомъ—общій характеръ этой школы сводился къ аффектаціи и риторичности. Обыденная жизнь съ ея мелкими интересами, съ мелкими страстями, казалось, была недостойной высокаго искусства. И до Гоголя нѣкоторые русскіе писатели, какъ-то: Пушкинъ, Лермонтовъ и Грибоѣдовъ чувствовали фальшь романтической школы, и старались освободиться отъ ея тумана. Но общая романтическая атмосфера—съ одной стороны, сила литературной наслѣдственности—съ другой и иноземныя вліянія съ третьей—мѣшали имъ выйти окончательно на свѣжій воздухъ. Нельзя сказать, чтобы и у Гоголя не сказалась эта сила наслѣдственности. И онъ не чуждъ былъ романтическихъ порывовъ, романтической фантастичности и романтической напыщенности или риторичности. Но это было на первыхъ порахъ и то въ видѣ отдѣльныхъ штриховъ, и отдѣльныхъ моментовъ. Въ общемъ онъ сразу сталъ на реальную почву сближенія искусства съ дѣйствительностью. Но эту дѣйствительность онъ во-

спринимать не только умомъ, но и сердцемъ, т. е. всё воспріятія онъ проводилъ черезъ свой душевный міръ, черезъ свою фантазію, сообщалъ имъ свои страсти, свои задушевные стремленія, свою горячую любовь, свои идеалы. Этой глубиной его духовнаго міра объясняется и глубина проникновенности его въ міръ реальности и дѣйствительности. Такимъ широкимъ пониманіемъ дѣйствительности и такимъ всестороннимъ ея изображеніемъ Гоголь и его натуральная школа рѣзко отличаются отъ школы современной—неореалистической. Послѣдняя въ своемъ мнимомъ ультра-реализмѣ доходитъ до того, что готова, повидимому, отказаться въ искусствѣ и отъ фантазіи и отъ идеаловъ, находя все это не только излишнимъ, но и вреднымъ для воспроизведенія дѣйствительности въ настоящемъ ея видѣ. Конечнымъ стремленіемъ этой школы является фотографическое воспроизведеніе дѣйствительности—безъ всякихъ личныхъ добавленій, освѣщеній и объясненій. Но спрашивается, развѣ въ искусствѣ возможна абсолютная объективность, развѣ художественная правда и права дѣйствительности одно и то-же. Конечно нѣтъ. Художникъ пишетъ не прямо съ природы и съ жизни, а создаетъ правдоподобія ихъ. Въ этомъ и заключается процессъ творчества ¹⁾. Пособіемъ художника всегда будетъ фантазія, а цѣлью его—стремленіе къ тѣмъ или другимъ идеаламъ, хотя бы, напр. къ усовершенствованію наблюдаемыхъ имъ явленій, къ замѣнѣ худшаго лучшимъ.

Нео-реалисты даютъ намъ свои снимки будто бы съ природы и съ жизни, сдѣланные „умомъ“; но эти снимки пока ограничились сухими, блѣдными и... скучными произведеніями, пожалуй ума, но ни какъ не искусства, И это оттого, что они въ художественныхъ поискахъ правды отрицаютъ такія пособія, какъ типичность, юморъ, отрицаютъ всякіе идеалы, не признаютъ нужною фантазію. Гоголь безспорно—реалистъ, но не въ томъ смыслѣ, какъ понимаютъ нео-реалисты; у кого найдешь больше правды въ образахъ?

¹⁾ Ц. А. Гончарова. Полное собр. сочиненій. Изд. Глазунова Т. VIII, Спб. 1884. Критическія замѣтки: Лучше поздно, чѣмъ никогда. стр. 282.

Но онъ, смѣша и смѣясь, невидимо плакалъ, т. е. вносилъ свою душу; оттого въ его сатиры и улеглась вся безконечная Русь своею отрицательною стороною, со всею своею плотью, кровью и дыханіемъ ¹⁾).

Перейдемъ къ рѣшенію поставленнаго вопроса: что же завѣщаль Гоголь созданной имъ натуральной школѣ?

Никто не будетъ отрицать того могущественнаго нравственнаго вліянія литературы на русское общество, какое она приобрѣла въ настоящее время. Не малую долю этого вліянія оказали въ данномъ случаѣ завѣты Гоголя. Подъ этими завѣтами мы разумѣемъ: 1) его взгляды на искусство и его значеніе въ жизни общества; 2) его взгляды на писателя и на его значеніе для общества; 3) тѣ художественные приемы, какіе Гоголь примѣнялъ при обработкѣ сюжетовъ; 4) тотъ кругъ жизненныхъ интересовъ, какой онъ захватилъ своею творческою дѣятельностью, и 5) тѣ направленія, и настроенія, какія онъ обнаружилъ при освѣщеніи явленной русской жизни.

Въ своей повѣсти „Портретъ“, выражая свое profession de foi, Гоголь устами стараго художника—въ видѣ завѣта своему сыну—высказываетъ слѣдующія высокія мысли объ искусствѣ: „Талантъ есть драгоценнѣйшій даръ Бога—не погуби его. Изслѣдуй, изучай все, что ни видишь, покори все кисти; но во всемъ умѣй находить внутреннюю мысль и пуце всего старайся постигнуть высокую тайну созданья. Блаженъ избранникъ, владѣющій ею. Нѣтъ ему низкаго предмета въ природѣ. Въ ничтожномъ художникъ создатель такъ же великъ, какъ и въ великомъ; въ презрѣнномъ у него уже нѣтъ презрѣннаго, ибо сквозить невидимо сквозь него прекрасная душа создавшаго, и презрѣнное уже получило высокое выраженіе, ибо протекло сквозь чистилище его души...; ибо для успокоенія и примиренія всѣхъ нисходитъ въ міръ высокое созданіе искусства“ ²⁾. На судбѣ другого молодого художника Черткова Гоголь показываетъ, какъ падаетъ талантъ, когда онъ удаляется отъ высокихъ завѣтовъ искусства; онъ работаетъ безъ

¹⁾ Ibid, стр. 283.

²⁾ Соч. Н. В. Гоголя. 10-е изд. т. II, стр. 82—83.

любви и безъ вдохновенія, угождаетъ публикѣ, входитъ въ компримиссы съ совѣстью, чѣмъ погрѣшаетъ противъ своего таланта, и заглушаетъ ту искру Божію, которая теплится въ его душѣ. И такъ погоня за благами міра губитъ истинный талантъ, превращая его изъ творца высокаго искусства въ простого копировщика, въ простого ремесленника.

Здѣсь Гоголь завѣщаль высокій взглядъ на искусство, которое должно стремиться къ божественной, нелицемѣрной правдѣ, не ожидая для себя никакихъ благъ.

Въ „Развязкѣ Ревизора“ Гоголь дополняетъ свои взгляды на искусство: Искусство уже въ самомъ себѣ заключаетъ свою цѣль. Стремленіе къ прекрасному и высокому—непремѣнный законъ искусства. Ни въ какомъ случаѣ оно не можетъ быть безнравственно. Оно стремится непремѣнно къ добру—положительно или отрицательно: выставляетъ-ли намъ красоту всего лучшаго, что ни есть въ человѣкѣ, или же смѣется надъ безобразіемъ всего худшаго въ человѣкѣ. Если выставить все зло, какое ни есть въ человѣкѣ, и выставить его такимъ образомъ, что всякій изъ зрителей получить къ нему полное отвращеніе, спрашивается: развѣ это не похвала всему хорошему? развѣ это не похвала добру¹⁾. И такъ искусство, по Гоголю должно стремиться къ добру и благу, и должно приносить пользу обществу.

Въ связи съ вопросомъ объ искусствѣ стоитъ вопросъ о писателѣ и въ частности—о писателѣ комическомъ; его обязанностяхъ по отношенію къ обществу, его положеніи въ обществѣ и отношеніи къ нему самого общества. Въ своемъ „Завѣщаніи“ („Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями“) Гоголь говоритъ: „Я писатель, а долгъ писателя—не одно доставленіе пріятнаго занятія уму и вкусу; строго взыщется съ него, если отъ сочиненій его не распространится какая нибудь польза душѣ и не останется отъ него ничего въ поученіе людямъ²⁾. Можетъ быть прощальная повѣсть моя, продолжаетъ далѣе Гоголь, подѣйствуетъ сколько нибудь на тѣхъ, которые до сихъ поръ еще считаютъ жизнь игрошкою, и сердце ихъ услышитъ хотя отчасти

¹⁾ Соч. Н. В. Гоголя, изд. 10 т. II, стр. 345.

²⁾ Т. IV, стр. 8.

строгую тайну ея и сокровеннѣйшую небесную музыку этой тайны ¹⁾). Въ статьѣ: „О томъ, что такое слово“ Гоголь пишетъ: Обращаться съ словомъ нужно честно: оно есть высшій подарокъ Бога человѣку. Вѣда произносить его писателю въ тѣ поры, когда онъ находится подъ влiянiемъ страстныхъ увлеченiй, досады или гнѣва, или какого либо личнаго нерасположенiя къ кому бы то ни было, словомъ въ тѣ поры, когда не пришла еще въ стройность его собственная душа: изъ него такое выйдетъ слово, которое всѣмъ опротивѣтъ; и тогда съ самымъ чистѣйшимъ желанiемъ добра можно произвести зло ²⁾). Опасно шутить писателю со словомъ: „Слово гнило да не исходитъ изъ устъ вашихъ“. Если это слѣдуетъ примѣнить ко всѣмъ намъ безъизвѣтiя, то во сколько кратъ болѣе оно должно быть примѣнимо къ тѣмъ, у которыхъ поприще—слово, и которымъ опредѣлено говорить о прекрасномъ и возвышенномъ ³⁾).

Испытавъ на себѣ всю горечь несправедливыхъ нападокъ, Гоголь часто останавливается на долѣ комическаго писателя. Такъ въ VII гл. „Мертвыхъ Душъ“ онъ пишетъ: счастливъ писатель, который мимо характеровъ скучныхъ, противныхъ, поражающихъ печальной своею дѣйствительностью, приближается къ характерамъ, являющимъ высокое достоинство человѣка, который изъ великаго омута ежедневно вращающихся образовъ, избралъ однѣ немногiя исключенiя, который не измѣнялъ ни разу возвышеннаго строя своей лиры, ни ниспускался съ вершины своей къ бѣднымъ, ничтожнымъ своимъ собратьямъ. Все, рукоплеща, несется за нимъ ⁴⁾). Но не таковъ удѣлъ и другая судьба писателя, дерзнувшаго вызвать наружу все, что ежеминутно предъ очами и чего не зрятъ равнодушныя очи,—всю страшную, потрясающую тину мелочей, опутавшихъ нашу жизнь, всю глубину холодныхъ, раздробленныхъ, повседневныхъ характеровъ, которыми кишитъ наша земная, подчасъ горькая и скучная дорога, и крѣпкою силою неумолимаго рѣзца, дерзнувшаго выставить ихъ выпукло и ярко на всенародныя очи.

¹⁾ Соч. Н. В. Гоголя, Изд. 10. т. IV, стр. 8.

²⁾ Ibid., стр. 21.

³⁾ Ibid., стр. 20—21.

⁴⁾ Соч. Н. В. Гоголя, т. III, стр. 130.

Ему не собрать народныхъ рукописеканій..., ему не избѣжать отъ современнаго суда, лицемѣрно-безчувственнаго современнаго суда, который назоветъ ничтожными и низкими имъ лелѣянныя созданья, отведеть ему презрѣнный уголь въ ряду писателей, оскорбляющихъ человѣчество..., ибо не признаеть современный судъ, что много нужно глубины душевной, дабы озарить картину, взятую изъ презрѣнной жизни, и возвести ее въ перль созданья ¹⁾. Въ другомъ мѣстѣ („Театральной Развѣздѣ“) Гоголь говоритъ: Комическій писатель подлежитъ суду всѣхъ ²⁾. Его назовутъ скomorохомъ, потѣшающимъ публику, и смѣхъ его почтутъ низкимъ, оскорбляющимъ человѣчество; ему откажутъ въ высокихъ движеніяхъ души и въ святой любви къ человѣчеству; его произведенія назовутъ пустяками и побасенками. А между тѣмъ смѣхъ комическаго писателя излетаетъ изъ свѣтлой природы человѣка, на днѣ которой живетъ вѣчно бьющій родникъ. Онъ углубляетъ предметъ, заставляетъ выступить ярко то, что проскользнуло бы, безъ проникающей силы котораго мелочь и пустота жизни не испугала бы такъ человѣка. Презрѣнное и ничтожное, мимо котораго онъ равнодушно проходитъ всякій день, не возрасло бы предъ нимъ въ такой страшнѣй, почти каррикатурной силѣ. Ныла душа моя, говоритъ Гоголь, когда я видѣлъ, какъ много тутъ же среди самой жизни—безотвѣтныхъ, мертвыхъ обитателей, страшныхъ недвижнымъ холодомъ души своей и бесплодной пустыней сердца; ныла душа моя, когда на безчувственныхъ ихъ лицахъ не вздрагивалъ даже ни признакъ выраженія отъ того, что повергало въ небесныя слезы глубоко любящую душу, и не коснѣлъ языкъ ихъ произнести свое вѣчное слово: побасенки!... Но міръ задремалъ—бы безъ такихъ побасенокъ, обмелѣла бы жизнь, плѣсенью и тивою покрылись бы души ³⁾. Дайте же мнѣ, восклицаетъ Гоголь, почувствовать, что и мое поприще такъ же честно, какъ и всякаго изъ васъ, что я такъ же служу землѣ своей, какъ и всѣ вы служите ⁴⁾.

¹⁾ Т. III, стр. 130-131.

²⁾ *ibid*, стр. 132.

³⁾ Т. II, стр. 515.

⁴⁾ Т. II, стр. 352.

Перейдемъ далѣе къ тѣмъ художественнымъ приемамъ, какіе Гоголь употреблялъ въ своемъ творчествѣ и какіе за-вѣщаль далѣвѣйшей литературѣ.

Въ лѣта моей юности, пишетъ Гоголь въ VI гл. „Мертвыхъ Душъ“ пріятно было подвѣзжать въ первый разъ къ незнакомому мѣсту“... Все останавливало и поражало... Ничто не ускользало отъ свѣжаго, тонкаго вниманія... Глядѣлъ на офицера, или на купца или чиновника, и уносился мысленно за ними въ бѣдную ихъ жизнь ¹⁾...

И такъ отъ дней юности Гоголь отличался чрезвычайной наблюдательностью къ обыденной русской жизни и вооруженъ былъ глубокимъ психологическимъ анализомъ для раскрытія ея тайнъ. Но кромѣ чрезвычайной наблюдательности и глубокаго психологическаго анализа Гоголь въ своемъ художественномъ творчествѣ прибѣгалъ къ научному способу собиранія матеріала. Въ своей „Исповѣди“ онъ говоритъ: „Я никогда ничего не создавалъ въ воображеніи и не имѣлъ этого свойства. У меня только то и выходило хорошо, что взято было мною изъ дѣйствительности, изъ данныхъ, мнѣ извѣстныхъ²⁾. Эти данныя, какъ мы знаемъ изъ его писемъ, онъ настойчиво собиралъ у свѣдущихъ людей. Интересно признаніе самого Гоголя, какъ онъ создавалъ своихъ героевъ („Четыре письма къ разнымъ лицамъ по поводу „Мертвыхъ Душъ“, „Изъ переписки съ друзьями“): „Я сталъ надѣлять своихъ героевъ, говоритъ онъ, сверхъ ихъ собственныхъ гадостей, моею собственною дрянью... Взявши дурное свойство мое, я преслѣдовалъ его въ другомъ званіи и на другомъ поприщѣ, старался себѣ изобразить его въ видѣ смертельнаго врага, нанесшаго мнѣ самое чувствительное оскорбленіе, преслѣдовалъ его злобою, насмѣшкою и всемъ, чѣмъ ни попало ³⁾. Изъ этого признанія можно заключить, что Гоголь въ созданіи своихъ художественныхъ образовъ выходилъ только изъ субъективныхъ началъ. Но принявъ во вниманіе, что это признаніе относится ко времени усиленныхъ обвиненій Гоголя въ клеветѣ на общество—съ одной

¹⁾ Соч. Н. В. Гоголя, т. III, стр. 107.

²⁾ Соч. Н. В. Гоголя, т. IV, стр. 256.

³⁾ Ibid., т. IV, стр. 88.

стороны. съ другою—вспоминая прежнее его заявленіе, что онъ ничего не создавалъ въ воображеніи и не имѣлъ этого свойства. можно съ положительностью заключить, что Гоголь въ своемъ творчествѣ былъ въ полномъ смыслѣ объективистъ, хотя нельзя не согласиться съ самимъ Гоголемъ, что изъ-за его героевъ вырисовывается носъ самого автора. Это сужденіе о характерѣ творчества Гоголя подтверждается также постоянной переработкой имъ своихъ произведеній, какимъ путемъ онъ умѣрялъ и ограничивалъ излишнюю ихъ откровенность, заботливо сглаживая все проявленія личнаго элемента и частныхъ временныхъ чертъ. Эта переработка была подвигомъ, предпринятымъ въ глубинѣ его души. при чемъ его великія созданія выработывались годами самоотверженія, отчужденія отъ міра и всехъ его выгодъ ¹⁾.

Остановимся далѣе на вопросѣ, какой кругъ жизненныхъ интересовъ захватилъ Гоголь своей творческой дѣятельностью.

На поприще литературной дѣятельности Гоголь выступилъ бытописателемъ малороссійской жизни. Здѣсь онъ выказалъ необычайную душевную теплоту и удивительный малороссійскій юморъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ—здѣсь же начинаетъ уже проявляться идеальное стремленіе къ народной правдѣ. Приступая далѣе къ обрисовкѣ общерусской жизни, Гоголь съ своимъ идеаломъ народной правды сразу превращается въ беспощаднаго сатирика, подъ перомъ котораго вскрывается вся пошлость пошлаго человѣка, при чемъ выпукло выставлена вся та мелочь, которая ускользаетъ отъ глазъ обыкновенныхъ людей. Раскрытіемъ пошлости и вообще недостатковъ русской жизни Гоголь преслѣдовалъ цѣль—обнаруживать и лѣчить общественныя раны, иначе болѣзнь,—по его словамъ, можетъ обнаружиться такими симптомами, что лѣченіе будетъ поздно ²⁾.

Безпощадная Гоголевская сатира навлекла на него массу нареканій и повергла его въ отчаяніе, отсюда уныніе и грусть. Подъ влияніемъ вынесенныхъ страданій Гоголь въ статьѣ: „Предметы для лирическаго поэта въ нынѣшнее время“ (Изъ „Переписки съ друзьями“) пишетъ: Сатирой ничего не возьмешь! богатырски задремалъ нынѣшній вѣкъ. И

¹⁾ Рус. Архивъ, 1866, стр. 769.

²⁾ Соч. Н. В. Гоголя, т. II, стр. 496.

вотъ онъ рекомендуетъ слѣдующіе мотивы: 1) Попрекни прежде всего—умныхъ, но унылыхъ людей: человѣкъ, предавшійся унынію, есть дрянь во всѣхъ отношеніяхъ; 2) воззови къ прекрасному, но дремлющему человѣку; 3) опозорь новѣйшаго лихоимца пынѣшнихъ временъ и его проклятую роскошь; 4) Возвеличь незамѣтнаго труженника, какой встрѣчается посреди отважнѣйшихъ взяточниковъ — къ чести высокой породы русской; 5) Ублажи гимномъ того исполина, который, пробуждаясь отъ позорнаго сна, и плюнувши въ виду всѣхъ на свою мерзость и гнуснѣйшіе пороки, становится первымъ ратникомъ добра ¹⁾. Къ этимъ мотивамъ надо прибавить еще и мотивъ объ оскорбленныхъ и униженныхъ, который самъ Гоголь воплотилъ въ своей повѣсти „Шинель“. Всѣ эти мотивы перешли къ его преемникамъ по натуральной школѣ. Самъ Гоголь пытался отчасти выполнить выставленную программу во 2-й части „Мертвыхъ Душъ“. Но эта попытка оказалась, какъ извѣстно, не вполне удачной.

Переходимъ къ заключительной части нашей задачи—къ тѣмъ настроеніямъ и направленіямъ, какія Гоголь выказалъ при освѣщеніи явленій русской жизни. Общій характеръ этихъ настроеній—это смѣхъ сквозь слезы. Высокій идеалъ народной правды при соприкосновеніи съ жизнью мертвыхъ обитателей, и всякаго рода пошляковъ разрѣшался въ сатирической смѣхъ, въ ѣдкую насмѣшку. Но этотъ смѣхъ у Гоголя сопровождался грустью, уныніемъ и слезами. Эта грусть и уныніе вызывались съ одной стороны—унылостью самой жизни и печальной дѣйствительностью. Не даромъ Пушкинъ по прочтеніи первыхъ главъ изъ „Мертвыхъ Душъ“ произнесъ голосомъ тоски: „Боже, какъ грустна наша Россія!“; а съ другой—сознаніемъ, что онъ, какъ писатель, не сдѣлалъ для родины того, чего она ждетъ отъ cadaго изъ насъ. Самъ Гоголь, объясняя въ „Перепискѣ съ друзьями“ свое обращеніе къ Руси съ вопросомъ, чего она ждетъ отъ него, пишетъ, что немного такихъ, которые сдѣлали для блага Россіи все, что имъ слѣдовало сдѣлать, и которые могутъ открыто сказать, что ихъ не можетъ попрекнуть Россія ни въ чемъ, и что не глядитъ на

¹⁾ Соч. Н. В. Гоголя, т. IV, стр. 73—74.

нихъ укоризненно всякій бездушный предметъ ся пустынныхъ пространствъ. Кому—при взглядѣ на эти пустынные, доселѣ незаселенныя и неприютныя пространства не чувствуется тоска, кому въ заунывныхъ звукахъ нашей пѣсни не слышатся болѣзненные упреки ему самому, тотъ или уже весь исполнилъ свой долгъ, какъ слѣдуетъ, или же онъ не русскій въ душѣ ¹⁾).

Въ концѣ своего литературнаго поприща Гоголь виаль въ мистицизмъ съ призывомъ къ самоуглубленію и къ самоусовершенствованію. Этотъ мистицизмъ у Гоголя былъ сложнымъ явленіемъ и явился результатомъ съ одной стороны—безпомощности въ отысканіи положительныхъ и идеальныхъ типовъ въ русской жизни, съ другой—неудачи въ выполненіи поставленной себѣ задачи въ конечный періодъ своей дѣятельности, и съ третьей, наконецъ—той горечи, которая накапливалась постепенно отъ несправедливыхъ нападковъ на всю его литературную дѣятельность.

Закончивъ обзоръ всѣхъ завѣтовъ, переданныхъ Гоголемъ натуральной школѣ, позволю себѣ резюмировать краткиѣ все сказанное.

Гоголь завѣщаль своимъ наслѣдникамъ во 1-хъ—высокое понятіе объ искусствѣ, призванномъ говорить обществу одну правду безъ ожиданія для себя какихъ-либо выгодъ; во 2-хъ—выдвинулъ значеніе писателя, намъ полезнаго общественнаго дѣятеля, и въ частности—комическаго писателя, какъ врача общественныхъ ранъ, какъ возбудителя общественнаго самосознанія, какъ носителя народныхъ идеаловъ; въ 3-хъ—завѣщаль внимательное отношеніе къ русской обыденной дѣйствительности и возведеніе ея въ перлъ созданія, а также глубокой психологической анализъ для раскрытія тайниковъ русской жизни; вмѣстѣ съ раскрытіемъ русской жизни завѣщаль Гоголь и гуманное отношеніе къ униженнымъ и оскорбленнымъ; въ 4-хъ онъ завѣщаль свою страстную любовь къ родинѣ, критическое отношеніе къ ея печальной дѣйствительности, и наконецъ въ 5-хъ—свой юморъ и свою грусть, которые явились результатомъ внимательнаго отношенія къ русской дѣйствительности.] Всѣ

¹⁾ Соч. Н. В. Гоголя, т. IV, стр. 83.

эти завѣты были унаслѣдованы писателями натуральной школы, блестящую плеяду которыхъ составляютъ: Тургеневъ, Гончаровъ, Григоровичъ, Островскій, Писемскій, Достоевскій, гр. Л. Толстой и многіе др. Общей чертой этихъ писателей являются—высокіе народные идеалы, стремленіе къ народной правдѣ, любовь къ родинѣ и страстное желаніе принести ей пользу, вывести ее изъ дремотнаго состоянія и направить ее на путь дѣятельной любви, а въ каждомъ изъ русскихъ людей—возбудить сознаніе своего долга по отношенію къ отдѣльнымъ людямъ и къ обществу вообще.

В. Мочульскій.

